

С. ФРАНКЛИН

К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык

Хроника византийского монаха Георгия Амартола («Грешника») занимает видное место среди памятников переводной литературы Древней Руси. Она представляет собой не только изложение важнейших (с точки зрения византийского монаха) событий мировой истории, но и своеобразную энциклопедию научных, философских и этических учений. Славянская версия Хроники Амартола хранится в десятках рукописей, отрывки из нее вошли в состав многочисленных хронографов и хронографических компиляций.¹ В киевское время авторы ПВЛ, а также и авторы более ранних летописных и хронографических сводов не раз обращались к Хронике: отсюда они черпали и ценные сведения об истории русско-византийских отношений, и обильные фактические материалы, которые они приводили для того, чтобы подкреплять при помощи исторических аналогий свои взгляды на текущие события.

Благодаря усилиям нескольких поколений ученых литературная судьба Хроники Амартола на русской почве известна во многих подробностях. Однако вопрос о происхождении самого перевода — вопрос о том, когда, где и кем Хроника была переведена, — до сих пор остается спорным.

Научная полемика по данному вопросу разворачивалась главным образом вокруг языковых особенностей сохранившихся редакций перевода. Язык перевода — церковнославянский, но (в сохранившихся списках) со значительной восточнославянской окраской. Этот восточнославянский элемент исследователи расценивают по-разному. Одни утверждают, что русизмы восходят к первоначальному переводу, который поэтому должен был быть осуществлен на Руси, по всей вероятности, во второй половине XI в., при Ярославе Мудром.² Другие возражают, что русизмы — мнимые, что в большинстве случаев они могли появиться и в южнославянской среде, а те немногие черты перевода, которые бесспорно нужно признать восточнославянскими, могли быть введены позднейшими писцами и редакторами. Сам перевод возник в Болгарии, в X в.³ Третьи же как будто примиряют обе стороны: они признают наличие и русизмов и бол-

¹ Издание Хроники: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг.; Л., 1920—1930. Т. 1—3. — О Хронике Амартола и древнерусской хронографии см.: Торогов О. В. Древнерусские Хронографы. Л., 1975. С. 98—110.

² См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 2. С. 269—309; Т. 3. С. V—L; Розов В. Рец. на кн. Вейнгарт // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 2. С. 364—370.

³ См.: Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 3. С. 461—484; Т. IV, 4. С. 657—683; ср.: Dostál A. Slovanský překlad byzantské kroniky Georga Hamartola // Slavia. Praha, 1963. Т. XXXII. С. 375—384.

гаризмов и допускают, что Хроника могла быть переведена на Руси с участием болгарских переводчиков.⁴

Несмотря на огромную, кропотливую работу В. М. Истрина, М. Вейнгарта, П. А. Лаврова и др.,⁵ их выводы остаются весьма шаткими. Ведь очень многое зависит от наших предположений о том, кто мог бы употреблять те или иные языковые формы, те или иные стилистические обороты в переводе, тогда как в области переводной письменности X и XI вв. мы не располагаем достаточным количеством точных языковых ориентиров. Язык перевода Хроники Амартола — в основном церковнославянский; но это еще не значит, что над переводом работал болгарин в Болгарии. В сохранившихся списках обнаруживаются русизмы; но из этого не обязательно следует, что Хроника была переведена древнерусским книжником на Руси.

В недавнее время Н. А. Мещерский предложил не языковедческое, а текстологическое решение проблемы.⁶ Ссылаясь на работу Э. Г. Зыкова о болгарских известиях в ПВЛ, Н. А. Мещерский выдвинул интересную гипотезу, согласно которой данные отрывки из Хроники Амартола вошли в Повесть «через болгарскую летопись времени царя Симеона». Следовательно, по мнению Мещерского, «Хроника была первоначально переведена на древнеславянский литературный язык в Болгарии в X в., отразилась затем в не дошедшей до нас болгарской летописи, а в XI в. была подвергнута основательной редакционной переработке в Киевской Руси». Гипотеза Мещерского, как увидим, также вызывает серьезные сомнения.

В настоящей работе мы не ставим себе задачей прийти к твердому, решительному ответу на вопрос о происхождении перевода Хроники Амартола. Предлагаем лишь некоторые дополнительные замечания. Надеемся, что они могут оказаться полезными для дальнейшей разработки проблемы.

Начнем с хронологии. Когда была написана Хроника Георгия Амартола? Вопрос, кажется, простой; но как только углубляемся в него, мы сразу же сталкиваемся с рядом осложнений. Как известно, монах Георгий не является единственным автором Хроники. Сам Георгий жил и работал в середине IX в. и довел свое повествование только до 842 г., до начала царствования Михаила III, когда официально и окончательно восстановилось почитание иконам. Эта хроника с изложением событий от сотворения мира до 842 г. и есть подлинная Хроника Георгия Амартола.⁷ То произведение, которое затем распространилось в славянском переводе, представляет собой не Хронику Георгия, а хронографическую компиляцию, составленную из двух основных частей: Хроники Георгия и другой хроники до смерти Романа I в 948 г. Эта вторая хроника обычно приписывается Симеону Логофету, или просто Логофету. Она известна и в отдельных списках (под разными названиями), и в сочетании с хро-

⁴ См.: Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Bratislava, 1922—1923. Т. 1. С. 84—95; Т. 2. С. 500—521; Дурново Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 3. С. 446—460.

⁵ См. о синтаксисе перевода: Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола // ВВ. М., 1957. Т. 12. С. 232—241; Bräuer H. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1959. Т. 27. С. 322—347.

⁶ Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978. С. 75—78; ср.: Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 48—53.

⁷ См.: Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. В. 2. Т. Lipsiae, 1904; см.: Weingart M. Byzantské kroniky. . . Т. 2. С. 5—60; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Т. 1. С. 347—351.

ником Георгия.⁸ Хроника Логофета (и, следовательно, греческий оригинал славянского перевода «Хроники Амартола») не могла быть написана до 948 г. Также она не могла быть написана после 1013 г., ибо в том году Лев Грамматик уже работал над первой сохранившейся датированной рукописью Хроники.⁹

Славянская версия той сводной компиляции, которую условно называем Хроникой Амартола, уже существовала не позже середины XI в. Во-первых, отрывки из нее вошли в состав Хронографа по великому изложению, который служил одним из источников Начального свода.¹⁰ И, во-вторых, следы подобного (или того же самого) хронографического произведения с отрывками из Амартола обнаруживаются и в более ранних слоях летописи (в «Речи философа», в статьях под 1054 и 1073 гг. и пр.).¹¹

Оригиналом для славянского перевода служила не первоначальная греческая редакция, а более поздняя, с некоторыми значительными вставками. Еще на византийской почве греческий редактор внес в текст Хроники Логофета серию вставок, рассчитанных на то, чтобы увеличить историческую роль знатной семьи Фоки. В таком переработанном виде — и в сочетании с Хроникой Георгия — Хроника перешла в славянскую культуру. В одной из вставок редактор попутно отмечает, что Никифор Фока стал затем императором. Поскольку Никифор Фока царствовал с 963 до 969 г., данная греческая редакция датируется не раньше 963 г.¹²

Тот греческий список, который лег в основу славянского перевода, отличался от всех сохранившихся греческих списков Хроники: он был богат иллюстрирован. Иллюстрации к греческому оригиналу частично отражаются в иллюстрациях к Тверской (Троицкой) рукописи славянского перевода.¹³ Не исключено, что византийская традиция иллюстрированных хроник восходит к VI в., а может быть, и к более ранней эпохе. В пользу древности традиции выступает крупнейший знаток византийского искусства К. Вайцман.¹⁴ Однако остроумно аргументированная гипотеза Вайцмана, на мой взгляд, слишком натянута. Помимо нескольких скудных и спорных фрагментов до нас дошли только три списка византийских хроник с иллюстрациями: один из них греческий (мадридский список произведения Скилицы) и два — славянские (Хроника Ма-

⁸ См.: Васильевский В. Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. СПб., 1895. Т. 2. С. 78—151; Шестаков С. П. О рукописях Симеона Логофета // ВВ. СПб., 1898. Т. 5. С. 19—62; Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125—143; Маркопулос А. Ф. 'Η Χρονογραφία του Ψευδοζοζιμῶν καὶ οἱ πηγές της. 'Ιωάννινα, 1978; ср.: Weingart M. Byzantische Chronik. . . Т. 1. С. 63—68; Т. 2. С. 42—60; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Т. 1. С. 354—357.

⁹ См.: Васильевский В. Хроника Логофета. . . С. 121—123; Voog S. de. Theophanis Chronographia. Hildesheim, 1963. Т. 2. С. 376—383.

¹⁰ См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.

¹¹ См.: Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1982. New Series. Т. 15. С. 1—27; см.: Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 11—14.

¹² См.: Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125—143; Маркопулос А. Le témoignage du Vaticanus Gr. 163 pour la période entre 945—963 // Σύμμεικτα. 'Αθήνα, 1979. Т. 3. С. 83—119; см.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 522/10; Т. 2. С. 20/20.

¹³ См.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. С. 44—53; см. также рукопись № 18 в описании, там же и литература вопроса.

¹⁴ См.: Weitzmann K. Illustrations for the Chronicles of Sozomenos, Theodoret and Malalas // Byzantium. Boston, 1944. Т. 16. 1942—1943. С. 87—134. — Гипотезу Вайцмана принимает О. И. Подобедова. См.: Подобедова О. И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола // Actes du XIV Congrès International des Etudes Byzantines (Bucarest, 6—12 Sept. 1971). Bucarest, 1974. С. 373—390.

насси в болгарском переводе XIV в. и Тверской список Хроники Амартола).

Хронист Иоанн Скилица жил в XI в., а мадридская рукопись восходит к протографу XII в.¹⁵ В том же XII в. была написана Хроника Манасси. Об иллюстрированных византийских хрониках до XI в. надежных сведений нет. Наоборот, миниатюры в рукописях исторического содержания — явление как раз типичное для XI—XII вв.: помимо хроник к XI в. восходит и архетип всех пяти знаменитых лицевых списков Восьмикнижия (Октатевха).¹⁶ Было бы крайне рискованно предположить, что греческий оригинал славянского перевода Амартола был снабжен иллюстрациями раньше XI в.

В этой связи примечательно и художественное оформление Тверской рукописи. Ее миниатюры обведены рамками, и они вмещаются, прерывая текст, в столбец. Данная особенность оформления также становится типичной в византийских рукописях XI в.¹⁷

Таким образом, следует по внешним признакам отнести греческий оригинал Тверской рукописи скорее к XI, чем к X в.¹⁸

Отметим еще одну особенность сохранившихся памятников иллюстрированной византийской хронографии: все три указанные рукописи связаны не непосредственно со столицей империи, а с заграничными центрами.¹⁹ Как объясняется эта любопытная общая черта? В каких условиях изготовлялись эти редкие «люксовы издания»? Перевод и художественное копирование такой незаурядной, роскошной рукописи, какой был греческий оригинал Тверского списка Амартола, вряд ли входили в состав обыкновенных переводческих и миссионерских задач. Английский кодиколог Н. Уильсон рассматривает данную проблему в контексте византийской дипломатической деятельности.²⁰ По мнению Уильсона, протографы сохранившихся списков действительно хранились в императорской библиотеке, а копии с них были привезены византийскими послами в подарок заграничным властям: к таким «подарочным» экземплярам восходят те памятники иллюстрированной хронографии, которые дошли до нас. Известно, например, что в 1158 г. императорские послы привезли в Сицилию норманнскому королю набор рукописных книг, в числе которых, по мнению Уильсона, находился лицевой список Хроники Скилицы.

Допустим, что судьба иллюстрированных списков Хроники Амартола протекала примерно в том же русле. Поскольку сам текст искомой редакции Хроники Логофета (не говоря уже об иллюстрированной копии сводной хроники Логофета с Амартолом) не сложился до 963 г., древнеболгарское происхождение перевода становится еще менее вероятным. После 60-х гг. X в. трудно найти в византийско-болгарских отношениях событие, которое служило бы поводом для такого дипломатического жеста. В византийско-русских отношениях, наоборот, таких случаев много. Можно

¹⁵ См.: Wilson N. G. *The Madrid Scylitzes // Scrittura e Civiltà*. Torino, 1978. Т. 2. С. 209—212.

¹⁶ См.: Weitzmann K. *Studies in Manuscript Illumination*. Princeton, 1948. Т. 3. С. 30—38; Huber P. *Bild und Botschaft: byzantinische Miniaturen zum Alten und Neuen Testament*. Zurich, 1973. С. 15—108, 183—187; ср.: Loden J. H. *The Production of the Vatopedi Octateuch // Dumbarton Oaks Papers*. Washington, D. C., 1982. Т. 36. С. 115—126.

¹⁷ См.: Weitzmann K. *Illustrations in Roll and Codex*. 2-е изд. Princeton, 1970. С. 97 и след. — Об укреплении связей между миниатюрой и текстом в XI в. см.: Лихачева В. Д. *Искусство книги: Константинополь, XI век*. М., 1976.

¹⁸ В стиле миниатюр Д. Айналов обнаруживает следы византийской художественной манеры IX—X вв.; см.: Айналов Д. *Летопись Георгия Амартола (Криница): выставка бывшей Троице-Сергиевой Лавры, № 100 // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines*. Belgrade, 1929. С. 127—135. — Здесь же речь идет не об иконографических источниках, но о времени составления рукописи.

¹⁹ Исполнение мадридской рукописи — сицилийское; см. ниже.

²⁰ См.: Wilson N. G. *The Madrid Scylitzes*.

указать хотя бы на обращение Владимира I в христианство,²¹ на прибытие митрополитов-греков, на освящение Киевской Софии или на брак Всеволода Ярославича с византийской княгиней.

Другой вопрос — национальность переводчиков. Пусть Хроника Амартола была переведена в XI в. и пусть славянская версия была предназначена для использования в Киевской Руси: в переводческом деле все равно мог бы участвовать болгарин, причем он мог бы заниматься своим трудом или на Руси, или даже в Константинополе.

Вернемся к спорам о языке перевода Хроники. В. М. Истрин обратил особое внимание на слово «Судъ», которое в Хронике употребляется как эквивалент (перевод или глосса) греческих топонимов Ἰερόν и Στερόν.²² Στερόν обозначает или Босфорский пролив, или его берега, или (редко) залив Золотой Рог. Ἰερόν — название местности на азиатском берегу Босфорского пролива и, так же как и Στερόν, общее название самого пролива. Слово «Судъ» восходит к скандинавскому sundr (пролив).²³ По мнению Истрина, оно заимствовано переводчиком Хроники (и авторами других древнерусских текстов) из военно-народной лексики, у людей, которые хорошо знали морской путь из Киева в византийскую столицу.

П. А. Лавров справедливо возражал, что топоним «Судъ» можно приписывать не переводчику, а позднему редактору.²⁴

Однако есть и другие «устные» топонимы в переводе Хроники Амартола, которые свидетельствуют об исключительно хорошем знакомстве с северными приморскими окрестностями Константинополя, но которые не так легко объясняются, как вставки редактора.

Что такое «устный топоним»? В данном случае имеются в виду не словарные русизмы («Судъ» — словарный русизм), а отражения разговорного языка Византии. Например, в древнерусском переводе Жития Василия Нового на месте греческого Ἰερόν стоит не «Судъ», а на первый взгляд непонятное слово «Стегеръ». По меткой гипотезе А. И. Соболевского,²⁵ форма «Стегеръ» образовалась на основе греческого разговорного произношения, из выражения εἰς τὸ Ἰερόν: Ἰερόν > *gero/jero (потеря конечного согласного; стирание различия между g и j);²⁶ Εἰς τὸ ἰερόν > *(1) stogero > Стегеръ (ср. Εἰς τὴν πόλιν > Istanbul > Стамбул).

Аналогичные формы встречаются в переводе Хроники Амартола (ссылки на издание Истрина).

«Испигасъ» и даже «Спигасъ»:

2, 29/4: εἰς Πηγάς διεπέρασε

1, 531/12: въ Спигасъ преиде

2, 49/34: ἐν τοῖς τόποις... τῶν Πηγῶν

1, 555/1—2: на мѣстѣх... въ Испигасъ

2, 50/11—12: τὰ παλάτια τῶν Πηγῶν

1, 555/13: полаты, сущии въ Испигасъ

2, 49/28: τὰ τῶν Πηγῶν παλάτια

1, 554/24: полатии, сущии въ Испигасъ.

В последнем примере слово «Испигасъ» находится в непосредственном соседстве со словом «Судъ»: (в узмѣни, рекше по Судови). Πηγαί — район на северном берегу Золотого Рога.

²¹ Напомним, что в сущности летописная «Речь философа» также является конспектом мировой истории.

²² См.: Истрин В. М. 1) «Судъ» в летописных сказаниях о походах русских князей на Царьград // ЖМНП. 1916. Т. 61. № 12. С. 191—198; 2) Хроника Георгия Амартола... Т. 2. С. 291—293.

²³ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1971. Т. 3. С. 794 (вопреки предложению Истрина).

²⁴ См.: Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. С. 681.

²⁵ См.: Соболевский А. И. Что такое Стегеръ? // ИОРЯС. 1918. Т. 23. № 1. С. 187.

²⁶ Ср. формы «генварь»; «Еюеть»; «Ерманикия» (< Γερμανικία).

«Испилась»:

изд. де Боора, 770/22: ἐξέπλευσεν εἰς Πύλας
2, 485/9—10: отиде в олядии въ Испилась.

«Устными» топонимами являются, по всей вероятности, и следующие формы:

Фаро (от Φάρος 1, 516/17; 550/19; 567/7)
Еро (от Ἰερὸν 1, 567/12; см. выше о *gero/jero).

Все перечисленные слова относятся к приморской топонимии Константинополя и его окрестностей, и все они находятся в тесной связи (географической и текстуальной) с подлинным русизмом «Судь». Можно считать поэтому, что и «Судь», и указанные «устные» топонимы возникают в переводе под пером одного и того же человека — человека, который располагал довольно точными сведениями о современной разговорной (русской и греческой) топонимии морского пути в Византию.²⁷

Почему мы предпочитаем приписывать эту лексическую группу переводчику, а не редактору? Правомерность нашего предположения наглядно проступает на фоне других «устных» элементов в переводе Хроники Амартола. Для переводчиков Хроники, как и для средневековых книжников вообще, грани между письменным и устным словом не вычерчены так ясно и последовательно, как для читателя в наше время. Письменные тексты обычно читались вслух. Звуковая формация слова могла оказать на работу переводчика и писца влияние не менее значительное, чем его зрительный, письменный вид. Отсюда возникают многочисленные ошибки, вызванные неправильным пониманием омонимических пар: переводчик вкладывает в свой текст не смысл греческого оригинала, а смысл предполагаемого омонима.²⁸ В этом отношении особенно показательны случаи неточной омонимии: произношение б у к в предполагаемого омонима соответствует произношению б у к в оригинала, тогда как с л о в а отличаются друг от друга не только по смыслу, но и по произношению (например, разница в ударении: ἐπεισὶ μοι > нарочити, от предполагаемого омонима ἐπίσθημοι; αἰδοὶ > подобаше, от предполагаемого омонима ἔδει, и т. п.).²⁹

Выше мы указали на примеры нестандартной транскрипции некоторых имен собственных в переводе Хроники. Как известно, имена собственные часто портятся в переводах и в рукописной традиции.³⁰ Тем не менее мы предположили, что данные формы появились не вследствие порчи в тексте (греческом или славянском), а вследствие добросовестной работы хорошо осведомленного переводчика. Они заимствованы из разных слоев устного языка. Несколько по-другому надо подходить к примерам неправильной транскрипции, которые появляются по омонимическим причинам. Подобные ошибки свидетельствуют скорее о п л о х о й осведомленности переводчика. Любопытно при этом, что наш переводчик допускает ошибки омонимического типа тогда, когда речь идет, во-первых, о географии более южных и западных окрестностей Константинополя и, во-вторых, о б о л г а р с к о й истории:

2, 56/24 μεχρὶ τοῦ Ἐρδόμεου > 1, 562/11 до Еоудома.

²⁷ См. также информацию в переводе (но не в сохранившихся греческих списках) о том, что Фарос является не только маяком, но и «стражницей» (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 1. С. 567/7): для византийского хрониста Фарос указывает путь домой; древнерусскому переводчику Фарос известен как часть константинопольской системы обороны и контроля над приезжающими.

²⁸ См. список подобных ошибок: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 2. С. 155—157.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Ваар А. Н. van den. A Russian Church Slavonic Kanonik. The Hague, 1968. С. 252—254; Franklin S. The Empire of the Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. Bruxelles, 1983. Т. 53.

Видимо, переводчик «слышал» мнимую форму Εὐδόμεν и поэтому допустил чисто книжную ошибку.

изд. де Боора, 774/19—20: τοῦ ἀρχηγοῦ αὐτῶν Κροόμενου > 1,
487/17: князя (их) Аптокроумля.

Трудно себе представить, что болгарский переводчик не узнал бы имя знаменитого болгарского князя Крум.

Наши замечания — по поводу хронологии греческих редакций, по поводу художественного оформления протографа и по поводу некоторых языковых особенностей перевода — придают, на наш взгляд, еще большую убедительность гипотезе В. М. Истрина, усиливают связь перевода Хроники Амартола именно с XI в., с Киевской Русью. Но все-таки нельзя считать, что вопрос о времени и месте перевода Хроники решен. Более того, в какой-то мере решение вопроса является менее значительным, чем сама трудность его решения, чем сосуществование различных вполне правдоподобных выводов. Естественно, что современные исследователи пытаются восстановить со всевозможной точностью историю текстов, что они заботятся о проблемах происхождения, о проблемах «локализации» во времени и в пространстве. Но вместе с тем мы не должны упускать из виду то, что средневековые книжники не всегда разделяли наши современные научные заботы. Если при всех стараниях стольких ученых мы все еще не можем с полной уверенностью отнести перевод Хроники Амартола к X или к XI в., к Болгарии или к Киевской Руси, мы тем самым доказываем не только ограниченность современной науки, но и единый, сверхнациональный характер древнеславянской книжной культуры.